

Он словно невзначай поинтересовался тем, что волновало его больше всего:

— Это ты приготовил?

Цзян Линь отложил палочки и повернулся к нему:

— Нет, купил.

Ожидания Цзин Хао рухнули разом, и он уныло отозвался:

— ...А.

Он яростно зачерпнул ложкой рис, чувствуя, что еда стала намного преснее и уже не кажется такой вкусной.

— То, что готовлю я, куда хуже этого, — неожиданно произнес Цзян Линь.

— А? — Цзин Хао не понял к чему это.

Цзян Линь тихо вздохнул:

— Впрочем, ты ведь всё равно выбросил, сравнивать, наверное, не с чем.

Услышав это, Цзин Хао вспомнил: кажется, однажды Цзян Линь и впрямь принёс ему коробку. Он тогда так трепетно её вручал, а Цзин Хао как раз сидел за игрой в самый ответственный момент. От такого вмешательства он чуть было не проиграл, взбесился до предела, сорвался, швырнул коробку прямо на пол перед Цзян Линем и тут же ушёл.

— Позже я её поднял, — сказал Цзян Линь. — Нельзя же так просто выбрасывать то, над чем столько возился. Но я попробовал — и правда оказалось так себе.

Цзян Линь обронил это небрежно:

— Хорошо хоть ты не стал есть.

Чем более небрежными казались эти слова, тем больнее они ранили Цзин Хао. С чего он вообще в прошлом вел себя как последняя сволочь?!

Цзян Линь... наверное, ему было очень больно.

Значит ли это, что теперь он станет его ненавидеть?

Все колебания, раскаяние и злость Цзин Хао отражались на его лице, и Цзян Линь понимал: этот эмоциональный ход сработал безотказно.

Если бы Цзин Хао был к нему равнодушен, он бы не выглядел таким встревоженным.

И действительно, не успел Цзин Хао отправить в рот очередной кусочек риса, как услышал неуверенный голос:

— Прости.

Цзян Линь намеренно пропустил извинения мимо ушей:

— Ешь давай.

— Нет! — Цзин Хао слегка возбужденно заговорил: — Я тогда был таким дураком... Я... я сволочь, прости меня, я перед тобой извиняюсь. Можешь... можешь не ненавидеть меня?

Досказав, Цзин Хао чуть закусил нижнюю губу, выдавая всю свою тревогу с головой. Он уже понял, что его чувства к Цзян Линю изменились. Может, это началось с того момента, когда ему нестерпимо захотелось вмазать Тао Аньей лицом в землю за то, что она назвала Цзян Линя её человеком; может, с того поцелуя той ночью; а может, и еще раньше — он не знал. Он знал лишь одно: он не хочет, чтобы Цзян Линь снова его ненавидел.

Он хотел быть хорошим с Цзян Линем.

— Цзин Хао, я тебе нравлюсь?

Цзян Линь задал вопрос в лоб, застигнув Цзин Хао врасплох.

Его первой реакцией было всё отрицать:

— Нет-нет-нет, с чего бы! Да как я могу любить тебя? О чем ты вообще думаешь? Ты что, от долгого общения с Ян Сюем заразился дуростью? Да как я могу к тебе испытывать такие чувства, как вообще возможно...

— Ну вот! — теперь Цзян Линь был полностью уверен: Цзин Хао вовсе не равнодушен к нему, просто раньше он этого не осознавал. Сейчас же он, пожалуй, и сам еще ничего толком не понимает, поэтому и бежит от ответа. Но ничего страшного, он может научить его сам.

Когда-то Цзян Линь думал, что со временем сможет вытравить Цзин Хао из памяти. Но когда надежды уже не оставалось, забрезжил крошечный лучик света — почему бы не попробовать снова?

Топить потом всё в бесконечных сожалениях лучше уж выложиться до конца и полюбить по-настоящему.

Но на сей раз придется сменить тактику.

— Понятно, — произнес Цзян Линь, не сумев скрыть тоску в голосе, а затем через силу выдавил улыбку: — Я же пошутил.

— ...Я и сам давно это понял, — добавил Цзян Линь. — В общем-то, ты мне тоже больше не нравишься.

Больше не нравится?

Больше... не нравится...

Цзин Хао словно молнией поразило. Больше не нравится... больше не нравится... Да ты же еще той ночью целовал меня, просил обнять, снова и снова повторял мое имя и говорил, что я тебе дорог — как это больше не нравишься, с чего вдруг разонравился!

Он отказывался верить, что эти слова слетели с губ Цзян Линя. Ему нестерпимо захотелось прямо сейчас зажать ему рот — любыми средствами, лишь бы он взял свои слова назад, забрал их все до единого!

У Цзин Хао побелели кончики пальцев от того, как сильно он сжал кулаки, всю свою надежду возложив на следующий вопрос:

— Ты... серьезно?

— Разве в таком деле можно шутить? — уголки губ Цзян Линя тронула легкая улыбка. — В прошлом мы были слишком юны, считай, что я по глупости столько времени докучал тебе.

Давай сочтем это детскими забавами, мы ведь хорошие друзья, не будем больше ворошить прошлое, ладно?

Хах, не будем ворошить? Не будем ворошить!

Цзин Хао был готов взбеситься от злости. Три года ухаживаний, столько добра в ответ — и

теперь парой фраз про детские забавы и «не ворошить» всё просто стерто в порошок? Цзян Линь, ты и правда мастер, недооценивал я тебя!

Что Цзян Линь говорил дальше, он слушать уже не хотел и не слушал. Он даже не помнил, как вышел на улицу. Он просто не мог смириться с этой мыслью: Цзян Линь больше не любит его, больше не любит!

Цзин Хао со злости со всего маху ударил кулаком в стену. От слишком сильного удара кожа лопнула, выступила кровь, капля за каплей стекая по руке вниз. С какой стати? С какой стати ты сдаешься именно тогда, когда я сам захотел относиться к тебе хорошо?

Ты растревожил мое сердце, целовал и обнимал меня, а теперь парой слов вроде детских забавок хочешь откеститься от всего? Мечтай! Ни за что не позволю!

.

Сначала Сун Чэнь вернулся домой, чтобы принять душ.

Совсем скоро ему предстояло увидеться с Шоянем, но от него еще пахло Ло Цинем — грязно.

При мысли о Ло Цине...

Раз уж настоящий хозяин вернулся, при удобном случае пора бы уже указать этой маленькой подстилке на дверь.

Он достал из тайника бутылку выдержанного красного вина и положил в машину. Как он мог не придать значения дню долгожданной встречи с Шоянем!

Сун Чэнь был влюблен в Шояна уже очень давно.

Впервые он увидел его в библиотеке.

Аккуратный юноша в белой рубашке, с отрешенным и холодным выражением лица, прижимал к груди сборник стихов Тагора «Птицы летят и не оставляют следов» — словно сошедший со страниц книг персонаж.

Шоян казался неприступной ледяной красотой с вершин гор, притягивая его к себе; каждое его движение заставляло любить его всё сильнее.

Ему хотелось завладеть им.

Но Шоян был слишком хорош, слишком чист — настолько, что Сун Чэнь просто не смел осквернить его своей грязью. В то же время его терзали внутренние муки: он искал утешения на стороне с другими парнями, чтобы выпустить пар, но ни один из них не был похож на Шояна.

Пока он не встретил Ло Цина.

Пусть сходства было от силы процентов семьдесят, но для роли замены этого оказалось вполне достаточно.

Тогда его волновало лишь тело, а на характер он закрыл глаза.

Ло Цин тоже любил носить белые рубашки, но никогда не читал стихов — наоборот, поглощал всякую мусорную беллетристику. Как-то раз он перепугался до полусмерти, начитавшись «Книги могил», и дрожащим комочком забился к нему в объятия — суший кошмар, вечно с ним какие-то проблемы!

По сравнению с Шоянем Сун Чэнь всё отчетливее понимал, что Ло Цин не стоит ломанного гроша, и нужно было срочно с ним покончить.

Час спустя у аэропорта.

Даже спустя столько лет разлуки он безошибочно узнал Шояна с первого взгляда. Тот, казалось, стал чуть выше, чем остался в памяти, и по-прежнему обожал белый цвет: слегка свободная футболка, светлые джинсы, а изящный профиль всё так же хранил холодное и отстраненное выражение.

Сун Чэнь подошел и встал перед ним:

— Заждался?

Шоян поднял голову, и при виде его на этом «ледяном» лице наконец мелькнула улыбка, словно весенний ветер растопил зимнюю стужу, мгновенно растворив льдины. Это было чертовски притягательно:

— Давно не виделись.

Сун Чэнь почувствовал, как сердце гулко забилося от прямого удара, и, не в силах сдержаться, заключил его в объятия:

— Давно не виделись.

Шоян, кажется, похудел — сквозь одежду отчетливо проступали кости, объятия вышли какими-то угловатыми. Неужели за границей он нормально не питался?

Сердце Сун Чэня сжалось от жалости, он напрочь забыл о том, что думал о худеющем мелком прихвостне в последний раз.

— Я же говорил, что и сам бы добрался. Зачем нужно было ехать встречать? — Шоян шутливо упрекнул Сун Чэня: — Я ведь собирался угостить тебя обедом сразу по возвращении.

Сун Чэнь с готовностью перехватил чемодан Шояна:

— Со мной тебе можно не церемониться.

— Мгм, — Шоян в знак примирения обвился рукой вокруг его шеи. — А я и не буду с тобой церемониться, ты ведь мой лучший друг.

Такая близость Сун Чэню очень польстила. Шоян всегда был олицетворением холодной неприступности, с другими лишним словом не обмолвился бы, не говоря уже о тактильном контакте. Даже с ним самим он начал постепенно открываться лишь после долгих лет знакомства. Эта исключительность невероятно тешила его самолюбие.

И все же он не желал довольствоваться ролью простого друга — ему хотелось стать его возлюбленным и всегда быть рядом.

Он уже признавался Шояну в чувствах. В первый раз Шоян принял всё за шутку, да и сам Сун Чэнь струсил, так что дело замялось само собой. А вот во второй...

То было сущим кошмаром.

Он прижимал Шояна за талию, уже загнав в угол, и оставалось лишь сделать одно движение, чтобы коснуться губами тех мягких алых губ.

Но слова Шояна сбросили его в ледяной погреб.

Он отчетливо услышал:

— Сун Чэнь, я натурал.

После этого Шоян начал бегать от него. Даже сталкиваясь лицом к лицу в коридорах, он спешно ретировался, словно от ядовитой змеи.

Позже Сун Чэнь из кожи вон лез, вымаливая прощение и клянясь, что больше никогда не заикнется о подобном, лишь бы спасти их трещащую по швам дружбу. Иначе они бы даже друзьями перестали быть.

Шоян утверждал, что он натурал, но Сун Чэнь никогда не видел рядом с ним ни единой подруги. Не зря говорят, что любовь рождается от долгого общения — он верил, что у него есть и время, и терпение. Вот только Шоян вдруг сорвался за границу на учебу и стажировку: нельзя сказать, что уехал по-английски, но и шанса подготовиться ему не оставил — пропал на три года.

Хорошо хоть теперь он вернулся. Сун Чэнь очень галантно открыл дверцу машины, позволив Сяо Янью забраться внутрь первым, и заботливо пристегнул его ремнём безопасности:

— Что будешь есть?

— Я так долго жил за границей, и мне почти не доводилось есть нормальную китайскую еду, — ответил Сяо Янь. — Давай сходим поедим лапши, в ту самую забегаловку, куда мы раньше постоянно ходили.

На лице Сун Чэня явно промелькнула заминка, но он тут же поспешил это скрыть:

— С трудом вернулся — и сразу лапша?

Сяо Янь заметил его неестественность, однако придавать значения не стал:

— Угу, я по ней очень соскучился.

— Как скажешь.

В тихом переулке, внутри скромной лапшичной.

Сяо Янь вздохнул:

— Подумать только, здесь всё осталось по-прежнему, почти не изменилось.

— Да, — Сун Чэнь отвечал рассеянно. После отъезда Сяо Яня он действительно часто приходил сюда предаться воспоминаниям, вот только вовсе не в одиночестве, а вместе с Ло Циню.

Это должны были быть воспоминания на двоих, но в них бесцеремонно вклинился Ло Цин. К тому же только что он привычным движением занял именно то место, где они с Ло Циню обычно сидели.

Сун Чэня это очень раздражало: подумаешь, всего лишь замена, почему он вдруг вспомнил о нём?

— Ты в порядке? — с беспокойством спросил Сяо Янь.

— Просто задумался на секунду, — Сун Чэнь улыбнулся. — Вкус ведь прежний, верно?

— Две порции классической говяжьей лапши: одну без перца, вторую поострее, спасибо.

— У тебя теперь такие мягкие вкусы? — удивился Сяо Янь. — Раньше-то мы вдвоём могли целую банку перца умять! Ха-ха, Сун Чэнь, ты стареешь!

Услышав это, Сун Чэнь натянуто улыбнулся и попытался отшутиться:

— И правда, старею!

Сяо Янь тоже легко рассмеялся:

— Ох, ну ты и...

Вкусы Сун Чэня не стали мягче, он по-прежнему мастерски справлялся с острым, а тарелка лапши без перца предназначалась для Сяо Яня... Нет, если говорить точнее — для Ло Цина.

Ло Цин предпочитал пресную пищу и не выносил даже капли перца, в то время как сам Сун Чэнь любил поострее и не представлял жизни без чили. В их первое совместное свидание он заказал целый стол сычуаньских блюд, и тот бедняга умылся слезами от жгучей горечи, но упрямо молчал о том, что не переносит острое, лишь то и дело жадно глотал воду.

Какой же дурак.

Но теперь он помнил вкусовые привычки этого глупца, а вовсе не Сяо Яня, о котором так долго тосковал.

Говяжья лапша без перца казалась пресной до невозможности. В обычное время он бы ни за что не притронулся к такой еде, но ради Сяо Яня, чтобы тот ничего не заподозрил, пришлось через силу запихивать её в себя.

Впрочем, казалось, всё было не так уж и отвратительно.

— Где остановишься на ночь? — поинтересовался Сун Чэнь.

— Сниму какую-нибудь гостиницу на пару дней, а завтра займусь поиском квартиры, — ответил Сяо Янь. — Не забронировал заранее перед возвращением.

Сун Чэнь ухватился за любую возможность проявить заботу:

— Зачем тебе гостиница, поживи у меня!

— Комната для тебя всегда готова.

— Если захочешь приехать.

Эти слова Сун Чэня звучали двусмысленно, и Сяо Янь, будучи далеко не дураком, закономерно замер.

— ...Хорошо.

Сун Чэнь просто не верил собственным ушам. Он думал, Сяо Янь откажется, но тот согласился — он действительно согласился!

Сун Чэнь был вне себя от радости. Раз уж всё зашло так далеко, и Сяо Янь всё же согласился поехать к нему, не значило ли это, что он готов принять его?

Вернувшись домой, Сун Чэнь засуетился так, что земля горела под ногами:

— Я сейчас всё тебе подготовлю. Одежда вся совершенно новая, а туалетные принадлежности лежат в третьем шкафчике в ванной.

Хотя этот мелкий домашний помощник ему не особо нравился, порядок он наводил образцово — пожалуй, справлялся даже лучше любой приходящей уборщицы.

— Сун Чэнь...

Сяо Янь неожиданно окликнул его по имени. Сун Чэнь замер на полуслове и обернулся к нему.

— У тебя случайно нет... парня?

«Нет», — которое Сун Чэнь должен был произнести без малейшего колебания, застряло у него в горле. Перед глазами внезапно возник образ Ло Цина: он всё ещё помнил, как этот мальчишка с трепетом тербил край одежды, как на его лице при виде него расцветала неудержимая радость, как он послушно жметя к его груди, ухватившись за рубашку, и как — совсем недавно — со слезами умолял о пощаде под ним.

Черт возьми, почему он сегодня то и дело вспоминает о нём?

Ведь тот, кого он любит — это определенно Сяо Янь.

Сун Чэнь изо всех сил постарался выгнать Ло Цина из головы:

— Нет, а что такое?

— Да я заметил кольцо у тебя на шее и подумал, что ты уже обрёл своё счастье.

Только тут Сун Чэнь обратил внимание, что тонкая цепочка на его шее почему-то выскользнула из-за ворота вместе с серебряным кольцом. На фоне тёмной ткани оно бросалось в глаза еще сильнее, ярко поблескивая.

Это было то самое кольцо, что дал ему Ло Цин.

Сун Чэнь не желал афишировать их отношения, считая Ло Цина недостойным стоять рядом с ним на людях, и изначально не собирался вкладывать чувства в какую-то замену. Но домашний помощник, похоже, этого не знал и так искренне и торжественно преподнёс ему кольцо. Ты не обязан носить его на руке, продень через эту веревочку и повесь на шею, так его никто и не заметит.

У нас будет по одному на каждого, так мы сможем быть счастливы вечно!

Он посмеивался над его суеверием, но, встретившись взглядом с этими сияющими глазами, неизвестно из-за каких соображений всё же не отказался и носил его до сих пор.

Но сейчас Сун Чэнь снял его и небрежно сунул в карман брюк: — А, это сувенир с недавнего школьного мероприятия, нужно было надеть для фото, да так и забыл снять.

— Сувенир? — Сяо Янь задумчиво протянул: — Тогда можешь подарить его мне?

— Зачем он тебе? — В голосе Сун Чэня слышалось некоторое недовольство, но тут же осознав свою странную реакцию, он смягчил тон, пытаясь сгладить углы: — Я к тому, что хорошего в обычном сувенире? Если хочешь, я подарю тебе что-нибудь получше.

— Да не нужно, — ответил Сяо Янь. — Я пошутил.

Ты ведь и правда поверил.

Сун Чэнь неловко усмехнулся и продолжил собирать вещи Сяо Яня, но в мыслях его был лишь

Ло Цин.

Раньше, что бы ни попросил Сяо Янь, он готов был ради него и в огонь, и в воду, лишь бы раздобыть желаемое. Но только что он чётко понял: отдавать кому-то другому эту вещь он не хочет.

От этого чувства нельзя было отмахнуться: этот подарок ему сделала маленькая горничная, и он не желал расставаться с ним ради кого бы то ни было, пусть даже ради Сяо Яня.

Пожелав друг другу спокойной ночи, Сун Чэнь лег в постель, но в воздухе словно всё ещё витал запах Ло Цина, и он неожиданно начал анализировать собственное поведение.

Разве то, как он обошлся с ним сегодня...

Не было ли и вправду слишком?

Сун Чэнь сжал в руке то самое кольцо, чувствуя глухое раздражение, затем рывком открыл ящик тумбочки и закинул его внутрь.

Подумаешь, всего лишь замена, зачем ломать голову?

Теперь, когда настоящий хозяин вернулся, чтобы избежать долгих ночных тревог, пожалуй, стоит выбрать время и порвать с ним.

Из-за того, что уборку провели не вовремя, к вечеру у Ло Цина поднялась небольшая температура. Ему было очень плохо, ему хотелось поговорить с Сун Чэнем, хотелось, чтобы кто-нибудь побыл с ним рядом.

Но...

Вдруг Сун Чэнь снова назовет его капризным?

Лучше не стоит, он не хотел вызывать у Сун Чэня раздражение. Сун Чэнь был так занят, нельзя обременять его еще больше.

Ло Цин плотнее закутался в одеяло, голова так сильно кружилась...

Было бы ложью сказать, что после ухода Сун Чэня Юй Байянь не разозлился. Его Ло Цин был таким прекрасным, а этот невоспитанный мужлан очернил его до неузнаваемости.

Поразмыслив как следует, он всё же решил, что ему необходимо поговорить с Ло Цинем с

глазу на глаз.

Вдруг во всем этом замешан тот человек?

Он не мог просто так поддаться заблуждению и позволить недобросовестным людям остаться в выигрыше.

Набравшись храбрости, Юй Байянь набрал его номер.

Гудки шли некоторое время, прежде чем вызов приняли. Юй Байянь нервничал до смерти, а когда на том конце раздалось невнятное алло, он от волнения чуть не выронил телефон.

— Алло, здесь есть кто-нибудь? — Ло Цин бредил от жара и совершенно не понимал, с кем разговаривает.

Однако Юй Байянь не потерял голову от радости и чутко уловил неладное: — Сяо Цин, ты заболел?

— М-м... немного кружится голова...

— Ты где?

— ...В общежитии.

Теперь Ло Цин отвечал почти на любые вопросы, и Юй Байянь в мгновение ока выведал у него всё до конца.

Где находится общежитие, номер корпуса, этаж и даже номер комнаты.

Не раздумывая ни секунды, он тут же собрался ехать на машине к университету. Этот глупышка, неужели он совсем не умеет о себе заботиться?

Увидев это, Юй Байянь снова начала капризничать и устраивать истерики, пытаясь удержать его, но стоило ему бросить на нее один взгляд, как она сразу затихла. Он не смел терять времени: тот мужчина называет себя его покровителем, но даже не позаботился о заболевшем Сяо Цине — разве он достоин быть рядом с Сяо Цином!

Юй Байянь вдавил педаль газа в пол. Пока он здесь, он никому больше не позволит обижать Сяо Цина.

Ло Цин сквозь туман забытья видел сон.

Во сне он словно снова вернулся в старшую школу, проживая размеренную жизнь по привычному маршруту.

В воскресенье они вместе с Юй Байянь делали уроки, и ее мягкий и добрый старший брат всегда относился к ним по-особенному тепло, внимательно оберегая их чувства.

— Байянь, вы с Сяо Цинем пока отдохните немного, я сегодня сам приготовлю ужин.

И он снова увидел человека, которого старался не вспоминать: тот был в светлом фартуке и хлопотал на кухне.

— Я помогу тебе.

Ло Цин слышал собственный голос.

Тогда он был еще не слишком высоким, ростом едва доставая Юй Байяню до плеча, и когда они стояли рядом, это даже создавало ощущение хрупкой незащищенности.

Тот иногда ласково трепал его по голове, когда у него что-то хорошо получалось, естественно стирал с его щеки следы муки, шутливо и фамильярно щелкал по носу — Юй Байянь был для него словно старший брат, с которым они были невероятно близки.

Тогда он считал себя невероятно счастливым, раз ему довелось встретить таких замечательных брата и сестру. Если бы они могли оставаться вместе всегда, это можно было бы назвать величайшим благословением.

Но именно Юй Байянь своими руками верг его в бездну.

<http://bllate.org/book/20916/2115514>